

B.B. 2008: -
: laudatio funebris

: , 20-
/ . . , . . .
(. .). , 3-8.

//

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

yar.antik.center[at]gmail.com
<http://elar.uni-yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/10>

Russian
Society of
Classical Studies

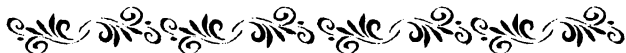
«

»

Yaroslavl Demidov State University

The Research and Educational Foundation
"The Centre for Roman Law Studies"
Yaroslavl branch

I. АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ

В.В. Дементьева

Гентильно-генеалогическая мемориальная практика римлян: *laudatio funebris* в современных исследованиях

Одним из важнейших видов римской *memoria* являлась гентильно-генеалогическая практика, включавшая маски предков, похоронные процессии, памятники и т.д. Поскольку в ней отразилась специфика римской идентичности, в современном антиковедении – в связи с усилением внимания к проблемам коллективной идентичности и исторической памяти – интенсивно изучаются *motus funebris*, *imagines*, *atrium* и др. В рамках исследования *motus funebris* (торжественного похоронного шествия) рассматривается *laudatio* (надгробная речь) о покойном, произносившаяся сыном или другим родственником-мужчиной.

Во время общественной похоронной процессии шли лицедеи в масках предков; эти маски обычно хранились в *атриуме* дома. Носители масок были облачены в должностную одежду высших магистратов, если предки достигли высших магистратур (или в одежду триумфаторов), перед ними несли *fascēs* и другие инсигнии. Похоронная процессия двигалась на форум к ораторской трибуне, к *rostra*, т.е. к политическому центру города (и затем империи), где представляемые *maiores* занимали курульные кресла и вместе с собравшимся *populus Romanus* внимательно слушали *laudatio*.

Э. Флаиг рассматривает похоронные процессии в рамках семиотического анализа¹. Его исследование на новом уровне и с новыми идеями осуществило возврат к тезису К. Латте² о том, что *rompra funebris* служила не культу умерших, а должна была явить на свет блеск римской фамилии. Флаиг делает два вывода, касающиеся непосредственно *laudatio*. Погребальная процессия римлян служила, на его взгляд, не личному прославлению умершего, она была направлена на то, чтобы показать престиж всей семьи. Вильгельм Кирдорф³ полагал, что в центре церемонии были именно погребальные речи. Заметим, что это мнение присутствует и в других работах, в том числе самого последнего времени. Так, Д. Штербенк-Эркер пишет о *laudatio funebris*, что «с политической точки зрения, это самый важный момент похорон»⁴. Из изложения Флаига следует другое умозаключение. Для простых римских граждан тоже произносились надгробные речи – в рамках приватного чествования. Но только при senatorской *rompra funebris* маски персонифицировали предков. Следовательно, – утверждает Флаиг, – важнейшим элементом похоронной процессии были именно *imagines*, а не *laudatio*. Не соглашается Флаиг и с Ф. Дюпон⁵, чьё мнение связывало восхваление умершего и престиж его *gens*, главным образом, с *laudatio funebris*. Дюпон считает, что речи произносились перед масками и не могли звучать без них. Флаиг же утверждает, что маски не требовались необходимым образом для погребальных речей. Таким образом, заключает Флаиг, в центре ритуала *rompra funebris* находилась процессия предков и собрание их портретов, так как предки и осуществляли презентацию символического капитала senatorской семьи.

К.-Й. Хёлькескамп, так же как и Флаиг, подчеркивает, что центральным элементом дорогостоящей и демонстративно публичной формы похоронных торжеств умершего нобилия была процессия всех его *maiores*⁶. Процессия прощания с умершим соединяла прошлое с настоящим, она гарантировала непрерывный континуитет, – так видит ее значение Хёлькескамп. Однако он по-иному, чем Флаиг, рассматривает *laudatio funebris*, отмечая важность присутствия предков во время произнесения речи. Как свидетельствует известная надгробная речь Квинта Цецилия Метелла

Гентильно-генеалогическая мемориальная практика римлян

о своем отце, консуле 251 и 247 гг., великом понтифике и диктаторе 224 г., в *laudatio* перечислялись, с одной стороны, *honores*, т.е. должности и деяния, посредством которых достигалась *dignitas* (достоинство) умершего, а с другой стороны, его *virtutes* (доблестные дела, подвиги) в качестве магистрата, командующего войсками и сенатора, *sapientia* (мудрость, рассудительность), *fortitudo* (храбрость, отвага) и другие гражданские и военные добродетели, которые проявлялись в его делах. И эти добродетели соответствовали доблестям символически присутствовавших предков. Если Флаиг считает, что в функции *rompra funebris* не входило прославление умершего, то Хёлькескамп подчеркивает наличие такой составной части и ее значимость для исторической памяти.

Однако, на взгляд Хёлькескампа, в надгробных речах не только репродуцировались исторический материал, морализаторские обращения и ценности, которые выполняли роль точки отсчета «исторической памяти» в *res gestae* и *exempla*. Прежде всего, – акцентирует Хёлькескамп, – удалялся умерший со сцены активной деятельности, но одновременно нобиль церемониально вводился в круг своих предков, *maiores*, которые удостоверяли этот переход своим символическим присутствием. В этом симбиозе *maiores* и *nobilis* продуцировалось не одно лишь только участие великого прошлого в настоящем, но и одновременно утверждалось следующее: каждое поколение, каждое настоящее время приносит всегда новых *maiores*, – непрерывное удлинение прошлого через настоящее инсценируется в будущем. Благодаря таким похоронным процессиям, подчеркивает Хёлькескамп, каждый взятый в отдельности сенатор или нобиль знал достаточно много не только о традициях своего собственного рода (*gens*), но и об истории других больших семей и вообще о *res publica* в целом.

Хёлькескамп делает вывод, что в республиканском Риме *rompra funebris* была тем особенно мощным коммуникативным средством, при помощи которого выполняла коллективная память свою важнейшую общественную функцию: сохранение идентичности *populus Romanus* через соблюдение континуитета *res publica*⁷

У Вальтер замечает, что, только начиная от магистратов ранней Республики, которые подтверждались монументально и

документально, могли быть речи в погребальной процессии, но не от предков из царского времени или из доримских мифологических времен⁸ События и персоны царского времени лежали за пределами главной линии аристократической семейной традиции. Недостаток впечатляющего ряда агнатов из ранних времен привел Юлия Цезаря в *laudatio* на похоронах его тетки Юлии в 69 г. до н.э. даже к тому, чтобы сослаться не только на Мария как когнатического своего предка, но также и на Венеру для отцовского происхождения и на царя Анка Марция для материнского. Слушатели восприняли это как политическую провокацию и новомодную бесцеремонность юного нобилия, только что наделенного квестурой.

Дифференциация восприятия генеалогической аргументации в различных областях исторической культуры была важна еще и в другом отношении, – полагает Вальтер. Известно, что считались *laudationes* и производные от них *tituli* и *elogia* фальсифицированными путем добавления неисторических триумфов и дополнительных консулатов. Напротив, однако, не известны попытки облачить кого-либо из умерших в ему не соответствующее должностное одеяние или представить фальсифицированными *imagines* в сравнительно хорошо документированном I в. до н.э. Между тем имело большие последствия то, что историографическая традиция, естественно, первично находилась под влиянием сохранившихся текстов, в том числе имевшихся в фамильных архивах погребальных речей, – пишет Вальтер. Заметим по этому поводу: если должности предков в процессии (через их магистратскую одежду) передавались точно, то почему считаются безусловно подвергавшимися фальсификации в речах их деяния? Тезис о том, что они неизбежно приукрашивались, является расхожим, он присутствует и в отечественной историографии⁹ Однако, если не брались предки из легендарных времен (с целью достоверной передачи гентильно-генеалогической информации), то почему априорно понимаются как легендарные сведения о деятельности реальных людей?

Вальтер называет *laudatio funebris* «историческим комментарием» к погребальной процессии. Гентильные надгробные речи на форуме воспроизводили, на его взгляд, в обеих главных частях

Гентильно-генеалогическая мемориальная практика римлян

функцию погребальной процессии: в качестве чествования умершего и демонстрации статуса всего gens, перечисление honores и res gestae умершего в речах связывалось с восхвалением предков. Речь с роstr была, как замечает Вальтер, формально contio. Полагаем, что этот его тезис очень важен и требует дальнейшего развития. Гентильный порядок прошлого также твердо устанавливался в важнейших речах, как его устанавливал ряд exempla, — пишет Вальтер.

Первая laudatio funebris была произнесена Валерием Попликолой в качестве консула о своем коллеге Бруте, павшем в борьбе против Тарквиния (*Plut. Pop. 9, 10*). Публичные похороны выдающейся личности относятся к традиции, следовательно, к первому году Республики, чем подчеркивается их всеобщее значение, однако первая laudatio funebris была произнесена не родственником, но коллегой, носителем высшей должности res publica.

Таким образом, имеющееся в трудах современных исследователей — при всей разнице их позиций в трактовке функций и роли похвальных речей в pompa funebris — наблюдение об отсутствии фальсификаций самого «парада предков» в этой процессии заставляет задуматься о том, а были ли так уж характерны фальсификации для такой части процессии, как laudationes? Ответ на этот вопрос, в свою очередь, влияет на восприятие достоверности информации, содержащейся в таком виде эпиграфических памятников, как elogia, имевших первоисточником, в числе прочего, и надгробные речи.

¹ Flaig E. Ritualisierte Politik. Zeichen, Gesten und Herrschaft im Alten Rom. Göttingen, 2003. S. 49-68.

² Latte K. Römische Religionsgeschichte. München, 1960. S. 100.

³ Kierdorf W. Laudatio funebris. Interpretationen und Untersuchungen zur Entwicklung der römischen Leichenrede. Meisenheim am Glan, 1980. S. 7-9.

⁴ Штербенк-Эркер Д. Оплакивание покойника в Риме: материал к анализу роли женщины в римском трауре // Древнее Средиземноморье: религия, общество, культура: Сб. статей под ред. О.П. Смирновой, А.Л. Смышляева. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 180.

⁵ Dupont F. Les monsters de Seneque. Pour une dramaturgie de la tragedie romaine. Paris, 1994.

⁶ Hölkeskamp K.-I. Senatus populusque Romanus. Die politische Kultur der Republik. Dimensionen und Deutungen. Stuttgart, 2004. S. 188-190.

⁷ Ibid. S. 189.

⁸ *Walter U. Memoria und res publica. Zur Geschichtskultur im republikanischen Rom. Frankfurt am Main, München, 2004. S. 89-108.*

⁹ *Клёнышева Н.Д. Общественные стороны римского погребального обряда // ANTIQVITAS IVVENTAE: Сб. науч. трудов студентов и аспирантов / Под ред. Е.В. Смыкова, А.В. Мосолкина. Саратов, 2007. С. 137.*

В.А. Каретникова

Выдвижение кандидатур на высшую ординарную должность Римской Республики в 509 – 367 гг. до н.э.

Источники свидетельствуют, что в V – III вв. до н.э. в Риме шла сословная борьба между патрициями и плебеями, – предвыборная ситуация этого периода освещена в них именно в контексте этой борьбы. Несмотря на это, споры (как внутри каждой из этих социальных групп, так и между ними) по поводу избрания должностных лиц возникали нечасто. Чем же это было обусловлено? В рамках данного доклада мы рассмотрим период до 367 г. до н.э., когда плебеи еще не имели доступа к высшей ординарной магистратуре (до середины V в. до н.э. ранней претуре, после – консулату), и попытаемся установить, каким образом каждый год решался вопрос о том, кто из патрициев будет занимать эту магистратуру.

Конечно, на высшую должность (будем для краткости называть ее консульской для всего изучаемого времени) могли претендовать только самые достойные люди, поскольку на них ложилась очень большая ответственность. В первую очередь, они должны были обладать выдающимися военными способностями (*Liv.* II. 16. 2; IV 19. 1,5; 20. 8; 30. 4; 31. 1; VII. 26. 2,12; 27. 5; 28. 10; VIII. 16. 4,5). Показательно, что Квинта Фабия Максима, талантливое военачальника, избрали в консулы даже вопреки закону (*Liv.* X. 13. 8-10; 14. 1), не говоря уже о том, что сам он это-